

1. ФОРС-МАЖОР

Главное, не хотел он его мочить. Реально не хотел. Думал, подскочит сзади, когда Ботаник в тачку полезет (в тачку он, в смысле Ботаник, влезал по-уродски, башкой вперед, с откляченным задом), и тогда он, в смысле Рулет, подлетит, рванет у него, в смысле у Ботаника, папку — и ноги. А тот вцепился насмерть. Ну и что было делать? Короче, тухляк вышел, полный.

Стоп. Неправильно начал.

Дубль два.

Поехали.

Какого-то июля (конкретные числа Рулет в последнее время догонял смутно) выполз он из своей съемной хаты в Саввинском переулке совсем мертвый. Весь в тряске, рожа синяя — краше в закрытом гробу хоронят. Время было за послеобеда, ну в смысле не *после обеда*, потому что обедать Рулет давно не обедал, кусок в горло не лез, а в смысле что солнце уже за середину неба перевалило.

Выполз, значит, и пошел себе в сторону Краснолужского моста, хреново соображая, куда это он тащит лапы и зачем. Короче, завис, это с ним в абстяге часто случалось.

Песня еще из окна орала: «Тополинный пух, жара, июль». И точно — жарко было, реально жарко. Но Рулет пока жары не чувствовал, у него с отходняка, наоборот, зуб на зуб не попадал. Шел, от яркого света болели глаза, жмурился. Чисто Дракула, которого не по делу разбудили.

Было ему паршиво. Совсем труба.

Еле дошаркал до соседней улицы, как ее, блин. Забыл. Он в последнее время всё больше вещей забывал. То есть, если постараться, наверно вспомнил бы. Но на фига?

И тут его вдруг пробило — чего он из дома-то вылез.

У Ботаника закрыли фортку. Значит, сейчас во двор выйдет. Ботаник всегда перед уходом фортку закрывал. На кой — непонятно. Душно же.

Повернул Рулет назад. Пристроился в подворотне, где темно и не так жарит. Еще минуту назад его колотун бил, а тут припарило ого-го как, конкретно, и пот полился ручьями, типа летят скворцы во все концы, и тает снег, и сердце тает. Кино какое-то такое было. Давно, в детстве.

Совсем Рулет глухой стал. Не в смысле, что слышал плохо, а в смысле, что вконец доходил. Дороги у него теперь отстроились по всем жилам — что на руках, что на ногах. Прямо шоссейные, ширнуться некуда, одни узлы. Центровую трассу, которая у локтя, он раньше называл: «автобан Вена-Глюкенбург», типа в шутку. Теперь по ней не проедешь, тромб на тромбе. И насчет шутить тоже — позабыл, как это делается.

За комнату второй месяц не плачено — это ладно. Не жрал ничего который день — тоже плевать. Хуже всего, что иглиться ему теперь надо было, хоть сдохни, каждые три часа. И не меньше, чем по два децила, иначе не пробило. А где столько бабок взять? Мать раз в месяц присылает по полторы штуки, как раз на полторы дозы хватает. Больше, пишет, никак не могу, ты уж крутись как-нибудь, вам ведь стипендию платят. Какую, блин, стипендию? Рулет забыл, как и институт-то назывался. Год почти оттрубил, на лекции ходил, даже сессию одну сдал, а в памяти только одно слово застряло: форс-мажор. Это когда никто никого не кидал, не подставлял, а само так вышло. Ну, типа карма.

Вот и у Рулета получился кругом сплошной форс-мажор.

Хорошо, когда-то боксом занимался, без этого, наверно, сдох бы.

По вечерам, когда внутри начинало всё винтом заворачивать, Рулет отпраплялся на заработок. Подходил в темном месте к загулявшему мужику видом поприличнее, или, если повезет, к дамочке. Бил хуком в висок, брал бумажник или сумочку. Убегал. Много не взял ни разу, максимум пять тысяч, и то однажды.

Сначала старался подальше от дома отойти, потом забил на это. Позавчера, например, прямо в Саввинском, перед магазином, налетел сзади на мужика, который из «фолькса» вылезал, врезал в переносицу и барсетку увел. А там, в барсетке, права, паспорт, техталон да столик для гаишника. И привет. Еле-еле у барыги за всё про всё — и барсетку, и документы — две дозы выпросил.

Вчера Рулету вообще ничего не обломилось. Отутюжил по улицам вхолостую. И сегодня сделался ему совсем край. Иначе нипочем среди бела дня, да еще в собственном дворе не стал бы заморачиваться. Не дурак же.

Ботаника этого плюгавого он уже несколько дней как присмотрел. Тот жил на третьем этаже, в доме напротив. Выходил из подъезда в разное время, не работал нигде, что ли. Форточку всегда перед выходом закрывал.

Мужичонка так себе — облезлый, с внутренним займом на лысине, но прикинутый: блейзер, платочек шелковый в нагрудном кармане, белые брюки. Выйдет, сядет в «мерс» и катит через подворотню на улицу. Во всем дворе у него одного «мерс» был.

Рулет еще всё жалел, что Ботаник по ночам не ездит. Такого обсоска с ног свалить — как нечего делать. Он и не увидит ничего, потому что по-уродски в тачку влазит.

Папку у него цапнуть, пока не очухался, и в подворотню. У Ботаника папки были классные — кожаные, каждый день разного цвета. Это есть такие козлы, по большей части пидоры, которые бумажник в карман не кладут, чтоб брюки не оттягивать, а только в портфельчик или папочку. Ботаник, когда свою папку нес, не важно какого цвета, всегда к груди прижимал, бережно так. Значит, было из-за чего.

Стало быть, несколько дней Рулет за Ботаником сёк, на папки эти разноцветные облизывался, а сегодня решился. Приперло.

Пока парился в подворотне, а Ботаник, скотина, всё не шел, стало Рулету неважину, и докатился он до самого что ни на есть последнего финиша, до чего никогда еще не опускался — ляпнулся всухую. Снял с машинки колпачок («гараж» называется) и ширнулся в сгиб локтя просто так, ничем. От привычной маленькой боли на секунду полегчало, но потом стало еще хуже. Обманутую вену пронзило будто током, Рулет аж скрючился. И подумал вдруг: а не загнать ли в арык полную стекляшку воздуха? Говорят, от этого сердце на куски лопається. И привет, больше никаких заморочек.

Подумал — и испугался. До того испугался, что швырнул баян об стену. Сразу же обругал себя: куда ширяле без собственного аппарата?

Нагнулся, подобрал, но машинке реально настали кранты. Жало погнулось и стекло треснуло. Короче, всё один к одному.

Но долго переживать из-за сломанного шприца Рулету не пришлось. Из подъезда как раз выкатился Ботаник и затопал к своему «мерсу». Папка у него сегодня была черная, и прижимал он ее к себе, чисто как мамаша младенца.

Момент был супер, во дворе ни души. Ну, Рулет и рванул.

Подскочил сзади, когда тот уже башкой в дверцу сунулся. Одной рукой за ворот его, другой рванул папку из-под мышки. Еще шикнул для страха: «Тихо, ****, убью!»

А тот как взвизгнет, обеими руками в папку вцепился, и ни в какую.

Рулет, между прочим, сам на нерве был, среди бела дня же, каждую секунду дверь подъезда открыться может или из подворотни кто вылезет. Не говоря уж про окна.

Короче, схватил Ботаника обеими руками за шею и давай колотить башкой об дверцу. Так Рулета от ярости и страха зауродило — ничего не видит, не слышит, только фиолетовые круги перед глазами.

Очухался, когда мужик уже на сиденье сполз, кровь у него из ушей, и голова обвисла. Папку подобрал, попятился.

Как через подворотню в переулок выскочил, не запомнил.

За-мо-чил, за-мо-чил, стучало в висках у Рулета. Всё, теперь всё. Сгорел, как в танке! В углу заплачет мать старушка, слезу рукой смахнет отец. То есть отца у него не было, но это в песне так поется, про танкистов, которые в танке сгорели.

С отходняка на Рулета и без того всегда жуткая шугань накатывала — это когда всего шугаешься, от каждого шороха закидываешься, ночью воешь от страха. А тут реально человека замочил. Хотел — не хотел, кого это колышет. И наверняка бабка какая-нибудь поганая из окна видела, им же делать не хрена, только с утра до вечера во двор пялиться. Видела, узнала Рулета, уже в ментуру названивает.

А в ментуру Рулету было никак нельзя. Сдохнет он за решеткой без «хлеба». В кошмарных мучениях.

Спокойно, спокойно, повторял Рулет, шаркая ногами по тополиному пуху. Но успокоиться можно было только одним способом.

В первом же незапертом подъезде он осмотрел добычу.

И чуть не заплакал.

Ни банана в черной папке не оказалось. Ни денег, ни кредитной карточки, ни даже водительских прав. Только стопка старых бумажек. Чего Ботаник, козлина, так за эту макулатуру цеплялся, непонятно. Только себе хуже сделал и Рулета конкретно закопал.

На всякий случай Рулет перетряс листы получше, но ничего между ними не обнаружил. Пожелтевшие страницы, на них какие-то каракули бледными коричневыми чернилами, да еще чиркано-перечиркано всё.

Один навар — папка богатая. Натуральная кожа, под крокодила. А может, и чистый крокодил.

И двинул Рулет на Плешак, где героини Плевны собираются. В смысле героинщики. Там и днем, если повезет, можно найти барыгу, кто не за бабки, а по бартеру пушерит.

И сжалилась карма над бедным Рулетом, реально повезло. То есть сначала минут двадцать он всухую протоптался. Народу в сквере было полно, но всё не то, мимо кассы: кто так на травке валялся, кто партнера искал (там, на Плешке, еще и пидоры тусуются). Но потом на скамеечке углядел Рулет знакомого кровососа Кису. Киса, во-первых, фуфла никогда не втюхает. Во-вторых, всегда затаренный, герыч прямо при себе носит (тащить за товаром на «бухту» у Рулета сейчас бы сил не хватило). А главное, не одним баблом берет. У Кисы на указательном пальце татуха, для новых клиентов: перстень с наполовину зачерненным ромбом. Это значит «пушерю на обмен». Короче, то, что надо.

Отошли за кустик. Киса папку пощупал. Понравилась.

Сговорились за две дозы плюс машинку впридачу — свою-то Рулет грохнул.

Глядя, как Рулета всего колотит, Киса посочувствовал:
— Что, веревки горят? Ничё, сейчас задвинешь стеклышко — отпустит. Сам-то попадешь или помочь?

— Фигня, — ответил Рулет, которому от одного прикосновения к ампуляку уже полегчало. — Ох, не хочет кровь струиться, не пора ли нам взбодриться!

Хотел уйти, но Киса окликнул, показал на брошенные листки.

— Ты не мусори. Здесь, между прочим, люди ширяются. Отнеси до урны, выкини.

Рулет взял бумажки под мышку, дошел до оградки. Место хорошее: тут кусты, там машины несутся.

И листкам применение нашлось. Подложил их на каменный парапет, чтоб задницу не студить. Одна страничка, верхняя, упала — так он подобрал, культурно. Снизу подсунул.

Сел с кайфом. Зарядил агрегат. С дыркой пришлось малость повозиться, но в конце концов попал. Пустил в стекляшку крови на контроль, как положено. Потом вмазал. Ровно две трети, остальное на догон оставил.

Ему стало хорошо, уже когда шило домой попало, то есть в вену вошло. А как вдарил приход и по всей системе, по каждой клеточке шандарахнуло волшебным током, наступило счастье. Весна на душе. Кстати, кино то старое, из детства, «Весна» называлось, он вспомнил. И запел: «И даже пень в апрельский день березкой снова стать мечтает».

Да хрен его кто поймает. Даже искать не станут. Во-первых, потому что в этом мире всем на всё с прибором, а во-вторых, потому что лохи они все против Рулета. И бабки никакой у окна не было, а то высунулась бы и заорала. Тип-топ всё, можно не париться.

Он встал, сладко потянулся.

Взял из стопки страничку, посмотреть. Очень она Рулету понравилась. Гладкая такая на ощупь, кайфово жел-

товатая и строчки ровные-преровные. А между прочим, без линеек. Разобрать почерк трудно, но на фига его разбирать? Только зря грузиться.

Всё ему сейчас ужасно нравилось: и солнце в небе, и зелень, и разноцветные машины на улице. Хорошая штука жизнь, если, конечно, жить правильно. И мозгами работать.

А мозги у Рулета запустились на полный оборот. И стукнула ему в башку идея, гениальная.

Не надо бумажки эти в урну бросать. Они старые. Им, может, сто лет. Хендрикс (это знакомый один, на барбитуре сидит) недавно рассказывал, что на Солянке есть мужик, который старые бумажки берет. Офис у него там, со двора вход. Как контора называется, Рулет позабыл, но Хендрикс говорил, найти легко, там табличка висит. Он на чердаке целый сундук с макулатурой нашел, так мужик этот много чего отобрал. И отбашлял сразу, на месте.

Может, придурок этот солянский возьмет листки? Глядишь, еще на одну дозу хватит. Надо ведь и про будущее подумать.

Главная гениальность идеи, осенившей Рулета, состояла в том, что Солянка была вот она, прямо за углом. Пять минут ходу, даже меньше.

Сложил он бумажки поаккуратней и пошел. Почти что полетел.

Кто другой, потупее, запутался бы во внутренних дворах и подворотнях огромного серого дома, выходящего разом на три улицы, а Рулет почти сразу нашел нужную арку, потому что башка варит и вообще всё в масть.

Хендрикс говорил, там еще рядом въезд в подземный гараж или, может, склад. Здоровенный такой, с решетчатыми воротами. Не спутаешь.

Точно, были ворота. И подъезд неподалеку. Табличка, правда, не одна, несколько. Но Рулет как по-

смотрел, сразу вспомнил. «Страна советов», вот как у того мужика контора называлась. Новенький такой щиток, медный. Сияет — смотреть в кайф. Пятый этаж. Офис 13-а.

Короче, поднялся — пешком взлетел, лень было лифт ждать.

У двери еще одна табличка:

**КОНСУЛЬТАЦИОННАЯ ФИРМА
«СТРАНА СОВЕТОВ»**

Николай Александрович Фандорин,
магистр истории

Ишь ты, «магистр».

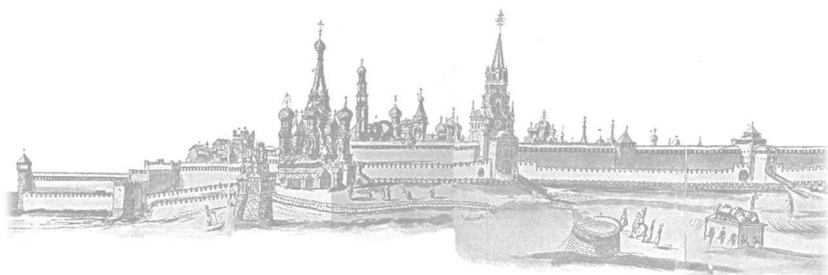
Рулёт позвонил.

Открыла охренительная телка. Прикид, как из журнала, плюс синие глаза с пушистыми ресницами, плюс припухлые, чуть приоткрытые губы. Это есть такие бабы, заводные, которые от секса, когда их здорово забирает, губы себе кусают. Сам Рулёт таких баб не пялил, не доводилось, но видать видал, в кино. У них еще обычно голос хриловатый, от которого внутри всё ёкает.

Телка облизнула губы кончиком очень красного, то есть *реально* красного языка и спросила хриловатым голосом:

— Вы по какому вопросу?

У Рулета внутри всё ёкнуло.

2. ФИГЛИ-МИГЛИ

Когда вошла секретарша, Николас Фандорин, владелец консалтинговой компании «Страна советов», стоял у окна и, страдая, прислушивался к фортепьянным аккордам, просачивавшимся сквозь шум улицы. Ничего отвратительного в музыке не было — стандартный вальс Грибоедова, исполняемый очень гладко и старательно, но Фандорина дальние звуки пианино явно мучили. Он то вздыхал, то морщился. Когда же милейшая мелодия, на миг оборвавшись, зазвучала вновь, гораздо громче и насыщенной, так что сразу почувствовалось — за дело взялся мастер, Ника совсем сник. На то имелись свои причины, однако о них чуть позже.

Итак, в кабинет вплыла Валя, улыбнулась своими раздутыми от коллагена губищами и объявила:

— Николай Александрович, к вам посетитель. О цели визита умалчивает, хочет сообщить лично.

В последнее время Валя *работала над сменой имиджа*: старалась изъясняться цивилизованно и вести себя, как леди, но давалось ей это непросто — то и дело сбивалась.

— Только, по-моему, фигли-мигли, — добавила она, что на ее жаргоне означало «пустая трата времени», и наморщила точеный носик (две операции, тридцать тысяч долларов). — Обычный ширяла. Я бы его турнула в шею, но он, похоже, вам что-то притащил. Впарить хочет. То есть, предложить на продажу, — поправилась Валя и изящным жестом потрогала прическу.

— Кто это — «ширяла»? — мрачно спросил Ника, подходя к столу.

— Наркоман. Шляется всякая шушера, а клиентов настоящих нет.

Что правда, то правда. Летом фирма «Страна советов» по большей части простаивала без работы. То есть в целом, если сравнивать с прошлым, дела шли не так уж плохо. «Сарафанное радио», самый медленный, но зато самый надежный вид рекламы, наконец заработало, и клиентура потихоньку расширялась. Настоящего дела, правда, давно не подворачивалось. Большинство тех, кто алкал совета, приходили к Николасу, или Николаю Александровичу, или Нике (это уж в зависимости от короткости отношений), просто чтоб как следует выговориться, рассказать понимающему человеку о своем сложном внутреннем мире и душевных проблемах. В Америке с подобной целью посещают сеансы психоанализа, но в России это высокорентабельное детище фрейдизма не прижилось и не приживется — во всяком случае, до тех пор, пока не избавится от обидного компонента «психо».

У Николаса такие посетители не лежали на кушетке, а сидели в обычном кресле, потому что не психи какие-нибудь, а совершенно здоровые люди, просто с тонкой нервной организацией. Болтали час или два, получали свою порцию советов и уходили в задумчивости. Работа с клиентами этого сорта нелегкая, будто из тебя всю кровь высасывают, но зато довольно денежная. Однако летом энергетические вампиры разъезжались по Биаррицам-Сардиниям латать нервы, продувать чакры и восстанавливать прану. Мастер добрых советов маялся бездельем и томился. А тут еще это фортепяно...

Валя навострила уши — слух у нее был отличный.

Ядовито спросила:

— По клавишам бренчат? А я вам тысячу раз говорила: не понимает МэМэ своего счастья. Такой мужчина ей до-